

634_1

21 - 30 сентября 1997 г.
Мурманск - Калининград

Пивоваровы, Сашуля, Успенская, Осемян, Мирошникова и другие на 60-летию Нелли Сергеевой, 22 сентября 1997 г.

Сашуля и Града Петрова, 22 сентября 1997 г.

Из Мурманска я поехал в Калининград поездом через Питер, где поболтался часика три по Невскому, заглядывая в магазины в поисках джинсов и кроссовок, да справочных пособий по Тенерифе, но не нашёл ничего. Дальше поехал. В поездах испанским занимался усердно. И до Питера, и до Калининграда в неполном купе ехал.

В Калининград прибыл **23-го сентября**, в первой половине дня. Все оказались дома, кроме Алексея - Ваня, Ирина, Михаил только что из школы пришёл. Серёжа Лебле позвонил, он тут, в Калининграде; договорились, что он придёт вечером к Тамаре Сергеевне. Мы с Ириной сразу почти отправились на кладбище. Памятник общий моим родителям сделали нормально, зря Сашуля так волновалась. Вот только туи подрезать надо, чтобы проход свободней был, да скамейку заменить. Добавили цветы в вазочки на обоих могилках. С кладбища поехали к Тамаре Сергеевне, где поминали деда кроме нас с Ириной и Тамарой Сергеевной ещё Гриша (он в отпуск приехал к матери), Серёжа Лебле и подруга огородная Тамары Сергеевны, Ваня с детьми дома остался.

Ночевал Серёжа у нас, мы с ним красненького перед сном добавили, так что утром Сергей Борисыч чувствовал себя неважно, а я ничего. Утром же Гриша позвонил,

сообщил, что сейчас альбомы притащит наши семейные, которые Тамара Сергеевна вдруг вернуть нам надумала (с Иринкиной, похоже, подсказки). Притащил, когда мы с Серёжей кофе пили. Опохмелиться запросил сразу, мать ему всего четыре тысячи на пиво дала, так этим разве опохмелишься?

Серёжа Лебле и Женя Кондратьев с дочкой и внуком.

Я ему дал двадцать тысяч на бутылку водки, он пошёл в магазин. В это время Виктор Иванович Карпов, Ванин отец, зашёл повидаться. Я пока с ним и Серёжей в большой комнате беседовал, Гриша бутылку приволок и на кухне опохмеляться начал.

Я Виктор Ивановича спросил: - Рюмочку не хотите?

Он живо ответил:

- Можно и две!

Я перетащил бутылку из кухни в комнату, пригласил туда Гришу, и мы стали выпивать втроём. Серёжа отказался присоединиться - дела, мол, и здоровье не позволяет, и покинул нас. По ходу выпивки Виктор Иванович в очередной раз уведомил меня, что Ельцин - еврей, русских в правительстве вообще нет, академик Лихачёв Россию ненавидит, а он его за это.

Я отмалчивался, стараясь пить поменьше, а разговор тем временем перешёл на тему жизни в Крыму и в Калининграде. Гриша только что из Севастополя и сокрушался, как там пенсионеры могут жить - копейки получают, а всё дорого, не то, что в Калининграде, на что Виктор Иванович потрясённо отвечал:

- Да лучше места чем Крым, а особенно Керчь, вообще нигде нет! В Калининграде-то что хорошего?!

Так они и препирались. Один год как из Керчи вернулся, второй только что из Севастополя. Слава Богу, водка быстро кончилась, Виктор Иванович заторопился, а когда он ушёл, Гриша стал просить у меня денег, тысяч сто пятьдесят.

- Приеду в Мурманск, Саше сразу отдам, а то доллары неохота менять, мать же денег не даёт.

Я ему твёрдо ответил, что денег не дам, Сашу он в Мурманске не застанет, она со мной в отпуск отправляется. Гриша не обиделся (он изрядно захорошел уже) и начал на мать жаловаться: невозможно с ней жить - то не так, это не сяк, не туда сел, не то съел, зачем телевизор включил, с ума сойти можно. Если бы билет не был взят на третье число, он уже бы давно домой смылся. Я ему посочувствовал и дал в утешение пятьдесят тысяч, с чем он и ушёл, довольный.

Я прогулялся по Калининграду. Некий прогресс явно наметился в облике города: эстакадный мост ремонтируют, рядом понтонный положили от Дворца спорта "Юность" к Портовой улице, Дом Советов многострадальный приличным забором огородили, якобы его толкнули кому-то, наконец; в домах, где магазины или фирмы какие-нибудь, фасады перелицовывают, "Остров сокровищ" сварганили. Но и разрухи ещё полно: заброшенные стройки, жуткие обшарпанные жилые многоэтажки;

набережные Преголи, заросшие бурьяном; замерший в раскоряку второй эстакадный мост. Цены в магазинах пониже, чем в Москве, Питере и Мурманске, особенно на продукты питания, а про пиво уж и не говорю - его тут море разлитое всех стран и сортов, и цены просто смешные: 2500 - 3000 рублей за бутылку при минимум 3800 в Мурманске.

На следующий день (**25 сентября**) Ваня договорился о семинаре в кирхе по случаю моего приезда. Пять часов семинарили с небольшим перерывом (с 10 утра до 3-х дня). Я рассказал о наших достижениях за прошедший год, а Кореньков, Федя, Иван и Коля Нацвалян - о калининградских результатах. Кроме перечисленных были ещё Володя Клименко и Татьяна Глущенко. Смертин и Суроткин теперь только совместители, в КТИ преподают, не смогли присутствовать. Или не захотели. Не знаю.

Семинар прошёл достаточно активно, но без страсти, споров и дискуссий, с некоторой настороженностью, что ли, с нежеланием как бы обидеть кого либо. Без нападков, короче. Хотя у меня и были, разумеется, возражения по поводу хотя бы всё той же грубой широтной сетки, которую продолжали использовать ребята. Не было настроя их критиковать. Возможно, и у них похожее настроение было. Наилучшее впечатление на меня Коля Нацвалян произвёл своими результатами и выступлением.

В разгар семинара в кирхе объявился Саня Шевчук, удивительно сохранившийся со всеми своими манерами. Всё так же рыбачит в Ульяновке, ездит на своём ИЖе (без коляски почему-то), ведёт счёт лещам, судакам и щукам. Безработничал, сейчас устроился установщиком-настройщиком стиральных машин (физик, компьютерщик как бы!).

А мой мотоцикл где-то в Ульяновке гниёт, в гараже обсерваторском. В свой же гараж железный-зелёный у кирхи я даже не заглядывал - вот до чего дожил!

В пятницу (**26 сентября**) я закупал себе джинсы и кроссовки на барахоловке, а вечером стеллаж собирали книжный новый, который Иван с Ириной купили в большую комнату, на место 35-летней "Ригонды" его поставили.

В субботу я общался с Сергеем Кшевецким по его просьбе по поводу его научной деятельности, он домой ко мне приходил. А вечером был в гостях у Шагимуратовых. Юра только что из Кракова вернулся, с конференции по использованию навигационных спутников, Лену туда с собой возил. Стандартно водочку попили.

В воскресенье с утра отправились с Ириной на барахоловку, купили ей перчатки, Ване лезвия и крем для бритвы, Алексею вертолёт классный, Михаилу свитерок, Коренькову рубашку в подарок ко дню рождения (я ему ещё до этого прикупил альбом для фото и дюжину своих фотографий, сделанных в Штатах и в Испании, с подписями туда вставил), а искали Алексею ботиночки на осень. Платил за всё я, а Ирина держала свой кошелек в руке, прижав его к груди. Наконец, у неё рука устала всё время в таком положении находиться, и она переложила кошелек в карман. Там он пробыл не дольше пяти минут - свистнули. Уж больно карман для этого удобным оказался.

Главное, мы увидели, как тётка какая-то подобрала с земли чей-то кошелек и стала его изучать, а через несколько шагов увидели девушку, озирающуюся в поисках своего кошелька и говорившую своей подруге:

- Слава Богу, денег там всего три тысячи было, да кошелек жалко.

Я ей сказал: - Это Вы кошелек потеряли? Вон там у третьей отсюда палатки его женщина подобрала.

Девушка ринулась туда, и в этот момент Ирина пропищала:

- А мой кошелек где?

Нету. А там 200 000 рублей было.

Но Ирина - молодец, недолго переживала. Бутылку вина велела мне купить - выпить с горя, да я ей в утешение дал эти 200 000.

Иринка с Тимкой и детьми, Калининград, 29 сентября 1997 г.

Вообще, Ирина на меня в этот раз очень хорошее впечатление произвела. Ни разу голос ни на кого не повысила, ласковая была, и внешность у неё очень симпатичная, стрижка удачная, а всё, думаю, от того, что деньги стала зарабатывать, клиентура разрастается. Не все, правда, платят, кто конфетами отделяется (целый склад коробок дома образовался), кто вообще на халюву норовит на приём попасть. Ирина работает в областной больнице и принимает только больных детей из области, но к ней рвутся и городские, репутация уже есть, по телефону часто домой звонят, Ирину Александровну спрашивают.

А Михаил с Алексеем всё такие же неугомонные: один пищит, а другой его дразнит. Михаил - здоровый парень, из школы пришёл - с Алёшиным новым вертолётком как малый игрался, а когда Алексей из садика вернулся и, естественно, затребовал свой вертолёт себе, Михаил ему не давал, тот в писк, и так каждый день.

А учится Михаил неплохо, два языка изучает, кроме английского - немецкий. Футбол бросил из-за конфликта с ребятами старшего возраста, ходит теперь на единоборства, регулярно, доволен, нравится.

Ваня с детьми на "Витязе", сентябрь 1997 г.

А Алексей - юморист.

- Как тебя покормить? - спрашиваю.

- По-хорошему, - отвечает.

Перед уходом в гости к Кореньковым Надежду Тепеницину у нас вином угощали, зашла меня проведать. На Шагимуратова жаловалась: не даёт им с Галиной на стороне зарабатывать, наукой велит заниматься.

У Кореньковых кроме нас никого не было. Мы подзадержались, и Кореньков был уже хорош, они с Ниной вдвоём праздновать начали, так что разговоров никаких хотя бы квазисерьёзных не получилось. Узнал только, что от ихнего Алёшки жена с сыном к маме в Севастополь уехала, не разошлись ещё, но не получается у них совместная жизнь. Нина на Алёшкиной стороне полностью, а Кореньков о внуке, похоже, очень жалеет, уж так он с нашим Алексеем возюкается каждый раз.

На следующий день я взял билеты до Москвы на 30-е и никуда больше не ходил, чувствовал себя неважно, ломота, слабость, лежать охота, а надо бы к Карповым съездить, к Тамаре Сергеевне - попрощаться, но сил никаких не было. Так ни к кому и не пошёл. В квартире нашей я себя чувствовал неуютно, не как у себя дома, всё боялся что-нибудь забыть, потерять среди этой кучи не моих вещей и, действительно, чуть было туфли не оставил, в последний момент про них вспомнил. Не высыпался, сны дурацкие снились, а утром дети уже в семь часов прискакивали смотреть мультики в большую комнату, где я спал. Я, правда, бегал по утрам вокруг озера, но вяло, и после бега бодрости не прибавлялось, только усталость появлялась.

Может, на Канарах отойду? Так до них ещё добраться надо. И с платежами в Москве ещё разбираться - противно даже думать об этом.

Эх, приустал я, притомился! Испанским даже практически не занимался здесь, совсем ослабел.